

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-42-51

СИСТЕМНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Синюков В.Н.*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(Московская государственная юридическая академия)**125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Автором предложен нетрадиционный инновационный подход, способный стать основой дискуссий в теории права, к системной методологии и закономерностям правового регулирования. Автор доказывает, что система права – это исключительно метод организации права. Советская система права – это статический шедевр правовой культуры, который невозможно повторить в новых кодексах. В статье представлены противоречия системы современного отечественного права, к которым автором отнесены: расхождение сложившейся структуры права с новой организацией общественных отношений; диссонанс между старым советским типом управления правовой системой и новыми методами правообразования на основе синтетических режимов регулирования; противоречие между различными системами нормообразования; законотворческой и правоприменительной. В заключение автор призывает перестать считать отрасли и подотрасли права и попытаться найти рациональные основания объективной системы права. В статье также представлены рекомендации по развитию современной системы отечественного права.

Ключевые слова: система права, системная методология, правовое регулирование, правовая система.

SYSTEM METHODOLOGY AND LEGAL REGULATION

V. Sinyukov*Kutafin Moscow State Law University (MSLU)**9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The author proposes a non-traditional innovative approach to system methodology and laws of legal regulation, which can become the basis of discussions in the theory of law. The author argues that the system of law is only a method of law organization. The Soviet legal system is a static masterpiece of legal culture that cannot be reproduced in new codes. The article reveals the contradictions of the system of modern Russian law, to which the author refers: the divergence of the established structure of law with a new organization of public relations; the dissonance between the old Soviet type of management of the legal system and new methods of law formation on the basis of synthetic regulatory regimes; the contradiction between different systems of norm-formation: law-making and law enforcement. In conclusion,

the author calls to stop considering the branches and sub-sectors of law and try to find rational grounds for an objective system of law. The article contains recommendations on the development of a modern system of Russian law.

Key words: the system of law, system methodology, legal regulation, legal system.

Одним из основных концептов правоведения является категория системы права. Как сложно организованное явление, право не может обходиться без определённой систематики.

Если обратиться к истории права, нельзя не заметить того факта, что большую часть своей истории, когда государство стало определяющим явлением общественной жизни, право развивалось в отсутствие всякой рациональной организации.

Разделение права на части, тем более введение какой-то осмысленной внутренней структуры были результатом последующей квазинаучной либо сугубо прикладной и утилитарной рефлексии. В истории права, по крайней мере до XIX в., система права – это то, что вносится в правовое регулирование рациональным способом, причём вовсе не одновременно с генезисом собственно правовых норм. Это отдельный и имеющий свои закономерности процесс.

Примером может служить римское право, которое было чуждо какому-то делению в процессе развития источников. Ульпиан дал знаменитую формулу, что всё, что относится к положению государства, есть право публичное, а что составляет пользу отдельных лиц – право частное [10].

С тех пор юридическая наука ни на шаг не продвинулась в усовершенствовании этой формулы, несмотря на значительный прогресс юридической формы. Это говорит о том, что великий юрист открыл скорее не систему,

а саму природу юридических норм, которая может выражаться в самых разных конфигурациях структуры права.

Постфактум была также внесена конструкция структуры частного права – лица, вещи, обязательства, которая вышла из «Институций» Гая – учебника права – и носила первоначально сугубо дидактический характер [6]. Эта структура отражает природу частнопровых норм и раскрывает одну из возможных логик регулирования имущественных отношений.

Можно привести ещё немало примеров разделения норм в более позднее время – выделении норм-дефиниций, норм-принципов, норм юридического процесса и норм материального права, которые в каких-то правовых порядках помещались в отдельные части законодательных актов, в других буквально соседствовали друг с другом, но всё это также будет относиться к разделению труда между беспредельно разнообразными нормами права.

Вывод об асимметричном развитии права подтверждает история практически всех классических национальных правовых порядков, где главным принципом организации был не некий имманентный закон структуры права, а весьма различные человеческие и прагматические явления.

Как правило, это полномочия юрисдикционных властей (Англия – общее право и право справедливости), политическая воля суверенов и кодификаторов (Франция и Германия, Россия – институционная или пандектная). В

странах классического права вопросы системы права всегда относились скорее к сфере философии и дидактики, нежели к практической юриспруденции.

В России вплоть до XX в. строение права находилось исключительно в области практической систематизации законодательства. Традиционно этот вопрос решался в пользу актов широкой комплексной природы – от Соборного Уложения 1649 г. до масштабной систематизации русского права первой половины XIX в. (Полное Собрание Законов Российской империи и Свод законов Российской империи), которая просуществовала до Октябрьской революции [9].

В процессе исследования проблемы возникает вопрос, есть ли какая-то особая система права как его закономерная структура, т. е. целесообразный способ связи элементов с наличием цели, облегчающая процесс правового регулирования? Как отмечается в учебниках, есть такая система, которая характеризует целостность права, единство его как социального института, и она носит даже объективный, независимый от законодателя характер. Вопрос можно поставить ещё шире: *присуща ли праву вообще системность, и что означает система применительно к современному праву?*

С нашей точки зрения, возможно, что такая система права есть, но это явление исключительно XX в., и оно во многом связано именно с Россией, а более конкретно – с советской Россией.

После октября 1917 г. новая власть имела весьма неопределённые представления о новом праве, гораздо менее определённые, чем о государстве, хотя и устройство социалистического

государства было совершенно творческой задачей.

Самые первые попытки создания нового права носили характер той или иной формы рецепции прежнего или зарубежного правопорядков в законодательной сфере. Например, известен *проект Советского уголовного уложения 1918 г.*, подготовленный левыми эсерами на основе Уголовного уложения 1903 г. с заменой и новой редакцией ряда принципов и статей. Однако эта и подобные ей попытки довольно быстро завершились. Декретом «О суде» № 1 (5 декабря (22 ноября) 1917 г.) вся предшествующая система права была упразднена, и был поставлен вопрос о строительстве нового права [8].

Анализ нового законодательства позволяет сделать вывод, что так называемое новое право формулировалось не только как право с радикально иной классовой сущностью и даже как антипод праву вообще, но и как иное социально-системное явление.

Очень характерно первое официальное определение права, данное Петром Ивановичем Стучкой на коллегии Наркомюста при редактировании «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г.: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (т. е. этого класса)». Позже он уточнял эту формулировку специально в одном аспекте: «право есть **система** или порядок **норм**, фиксирующих и охраняющих от нарушения означенную выше систему общественных отношений» [12].

Конечно, автор, нарком юстиции РСФСР, находился под влиянием из-

вестной буржуазной социологической школы права, которая понимала право как порядок общественных отношений, но суть не в этом. Главное состоит в том, что именно в советской России доктрина права как системы норм, целенаправленно, рационально конструируемая для выполнения определённых социальных задач, стала фактическим планом строительства нового правопорядка.

Именно эту линию продолжил в 1930-е гг. А.Я. Вышинский (хотя и заклеив Крыленко, Стучку, Гойхбарха, Пашуканиса и других первых большевистских теоретиков и практиков права) сначала в официальном определении советского права, а затем, что было совершенно логично и неизбежно, в разработке специального вопроса о системе советского социалистического права (известная первая дискуссия о системе права 1938 г.) [5].

Фактически, анализируя систему советского социалистического права, следует заключить, что в те годы речь шла не о тривиальном построении отраслей (они в базовой основе были в буржуазном праве), а о формировании новой правовой системы на новых не только социальных, но и формально-юридических принципах. А.Я. Вышинский считал: «Нужно было дать конкретное и твёрдое представление о том, что такое советское право не только в социально-политическом разрезе, но и в разрезе юридическом, что представляет собой вся правовая система» [4].

Именно в 30-е гг. XX в. через дискуссию об основаниях разделения права советская Россия–СССР фактически ввела в научный оборот новый идеологический концепт правовой си-

стемы, построенный строго по рациональному принципу – политико-социальной целесообразности, классовой разумности и юридической структурированности.

Оставаться на почве старой нормативности новый политический режим принципиально не мог, т. к. в прежней системе отсутствовали чёткие критерии для управления правом как формой организации.

Вот что писал по этому вопросу П.И. Стучка в 1931 г., за 7 лет до официальной дискуссии о системе советского права: «Существует ли ныне такой неустранимый разрыв между гражданским и уголовным правом? Отнюдь нет. Отчасти это деление права является чисто техническим, и к любому институту собственности можно было бы прибавить и уголовные последствия его нарушения.

Чем отличается ответственность за причинённый вред от уголовного штрафа, если только не тем, что этот штраф поступает в пользу частного лица? Такой грани нет, и её, если произвести **необходимое** размежевание, никогда в точности установить не удастся» [12].

В условиях вытеснения допущенных нэпом и закреплённых в ГК РСФСР 1922 г. частно-правовых отношений государственная власть всё более подходила к модели строго управляемой и тотально организуемой правовой системы, сконструированной под политические задачи хозяйственного строительства. Структура права постепенно становилась самостоятельным политическим фактором в качестве инструмента управления не только правовыми, но фактически и социальными отношениями. В этом

плане очень характерно появление таких совершенно новых структурных образований, как административное право (прежняя правовая система не различала уголовных и административных наказаний), трудовое право (как право высшего типа, в котором общие положения ГК не могли быть применимы), беспрецедентное в истории права выделение самостоятельного Земельного и Семейно-брачного кодексов, которые содержали новые принципы регулирования.

Наряду с иными сферами, которые получили самостоятельную кодифицированную форму (жилищное, горное, водное, воздушное право) рациональная модель нового нормативного порядка постепенно шла к своей законодательной институционализации.

Принципом институционализации стало отождествление *государственно-го и правового вмешательства* и новое по сути *понимание права как формы организации*. Это была действительно революция права, как бы к ней не относиться.

Отрасли, выделенные по критериям предмета и метода правового регулирования – это изобретение советского права, которое произошло в 30-е гг. XX в.

Проводя исследование, мы задаёмся вопросом: откуда взялась эта идея – права как социальной системы?

Идеи системного подхода и общества как системы были впервые высказаны, как известно, двумя авторами: сформулированы А.А. Богдановым в 1920-е гг. в его знаменитом труде «Тектология» и фактически воспроизведены заново австрийцем Людвигом фон Берталанфи в 50-х гг. XX в. [3]. Это было время, когда такие идеи буквально носились в воздухе, составляли

атмосферу общества как у нас, так и в Европе, особенно в Германии и США. Это период социальной инженерии, упорядоченного регулирования, упрощения, схематизма, конструктивизма и кубизма, футуризма и авангарда во всех сферах жизни. Когда говорят о русском авангарде и конструктивизме как важнейшем вкладе России в мировую культуру, забывают называть правовую культуру, которая выразилась в изобретении искусственной конструктивистской правовой системы – системы отраслей советского права, которые за внешними аналогичными наименованиями гражданского, уголовного права фактически скрывали совершенно новый правовой проект. Суть этого проекта состояла в социальной организации права через искусственный синтез норм разной правовой природы.

В качестве примера фактически заново созданной базовой отрасли можно привести административное право, которое в сравнении с классическим полицейским правом было новым не только по наименованию (которое обсуждалось и до революции), но и по предмету, по режимам регулирования (административная ответственность) и – что самое важное – по структуре, взаимосвязи с иными сферами регулирования (например, статус публичных юридических лиц).

В праве Российской империи не было чётких различий административных и уголовных правонарушений – преступлений и проступков, они все рассматривались как различные по степени общественной опасности преступления [1]. Здесь появился институт административной ответственности, доживший до наших дней.

На основе конструктивистской методологии были изобретены совершенно авангардные правовые режимы с использованием синтеза публичного и частного права.

Этой методологией в дальнейшем активно воспользовались практически все ведущие правовые страны, в том числе через своё конституционное и социальное законодательство.

Правовой конструктивизм структуры советского права имел в своей основе системную методологию.

Эта методология зародилась в начале XX в. Надо сказать, что в России системная методология получила самое последовательное, эффективное и во многом самоценное выражение не в сфере управления и менеджмента организаций, а в сфере права, хотя нигде официально так вопрос не ставился.

Даже в системе Академии наук, в которой был создан институт системных исследований, право как предмет приложения не фигурировало. Однако юридическая доктрина активно использовала системно-структурный подход. Научные труды советских «системников» (Вадима Садовского, Игоря Блауберга, Эрика Юдина, Авенира Уемова) и американца Рассела Акоффа активно использовались практически всеми ведущими советскими авторами-юристами, которые занимались вопросами системы права и законодательства (С.С. Алексеев, А.С. Пиголкин, И.С. Самощенко, А.Ф. Казьмин, А.В. Мицкевич и др.).

Важнейшей особенностью отраслевой системы 1930-х – 1960-х гг. стала беспрецедентная рациональная корреляция отраслевой системы с развитием законодательства. По сути, был найден принцип создания полностью

универсального, практически исчерпывающего, непротиворечивого и очень компактного законодательства на основе строго отраслевых кодифицированных актов.

Несколько базовых корпусов кодифицированных норм, предельно самодостаточных, характеризующихся почти лабораторной чистотой предметов и выточенных синтетических методов, внутренне филигранно взаимоувязанные, где каждый институт является элементом более высокой общности, составили основу советского законодательства (УК, УПК, ГК, ГПК, КЗоТ, КоБС, Земельный кодекс и др.).

В настоящее время очевидна ещё одна проблема: насколько системная методология адекватна закономерностям права вообще? Этот вопрос сейчас, на перепутье структурных процессов в отечественном правовом порядке, более чем уместен.

Механизмы формирования и регулирования систем заимствованы из биологии, языкознания и других главным образом естественных наук на основе принципа изоморфизма, т. е. тождества организационных структур, какой бы природы они не были – естественной или социальной.

Такие понятия системного анализа, как статика и динамика системы, её структура и функции, взаимодействие объекта с окружающей средой хорошо «ложилось» на общественные явления, общество, государство, право, правовое регулирование.

Вряд ли стоит отрицать определённую системность общества, включая государство и право. Однако приращение всем этим объектам в принципе единых генерализированных свойств, позволяющих формулировать общие

системные закономерности в сфере права, всё более наталкиваются на невозможность адекватно описать государственно-правовую реальность и объяснить новые явления.

Системная методология оказалась недостаточной в следующих основных моментах.

Во-первых, системно-структурному подходу присуща абсолютизация *фактора изменения*. Свойственные всякому социальному институту статика и динамика рассматриваются как равнозначные свойства системного объекта, который поддерживается в равновесном состоянии благодаря рациональной стратегии изменений. При этом сам процесс изменений есть подлинная сущность системного объекта.

В этой связи системный анализ приоритетное значение придаёт организации объекта, природа которого меняется в зависимости от усилий структурного или функционального характера.

На основе системной методологии в течение XX в. возникли и развивались мощные позитивистские технологии рационального творчества права. Эти технологии ставили амбициозные социальные и политические цели на основе специальных методов правового регулирования.

В трудах современных юристов законодотворчество рассматривается как метод социального переустройства.

Во-вторых, системный подход на основе принципа изоморфизма законов утверждает тождественность всех организаций, симметричность социального и естественного регулирования. Основная идея теории открытых систем – в единстве строения самых

различных системных комплексов, от атомных и молекулярных до биологических и социальных.

Между тем право как социальный институт во многом характеризует­ся статичностью, асимметричностью своих институтов, в значительной степени асистемностью своей организации. Так, между базовыми отраслями практически нет жёстких линий разграничения, и последние суть результат политического и социального выбора. Так, во французском праве, как известно, частно-правовые нормы соседствуют с уголовно-правовыми.

В-третьих, принципом системной методологии является принцип единства мира, в данном случае – единства правового мира (правовой монизм), из которого исходила как советская, так и либеральная доктрины. Но именно в праве этот принцип имеет существенные ограничения. Правовая культура характеризуется дискретностью и индивидуальностью.

Тем не менее системный подход позволил значительно расширить представления о связях права с окружающим социальным пространством и выйти за пределы собственно юридического метода.

Суть современной ситуации состоит в том, что в пореформенный период, когда понадобилось обеспечить правовое регулирование рыночных реформ и нового социального уклада, не были в достаточной мере осознаны глубина и цельность методологии строительства советской правовой системы.

Неуправляемый рост новых нормативных общностей создал иллюзию стихийного развития права, открыл ворота для вседозволенности законо-

дателя. Наши споры о системе ушли в плоскость умозрительной и эмоциональной математики: сколько существует и какие новые отрасли признаются в системе права.

Поэтому суть исследовательской задачи – в *выявлении основных противоречий, которые характеризуют развитие системы российского права в настоящее время.*

К таким противоречиям можно отнести:

- расхождение сложившейся структуры отечественного права с новой организацией общественных отношений;

- диссонанс между старым советским типом управления правовой системой и новыми методами правообразования на основе синтетических режимов регулирования;

- противоречие между различными системами нормообразования: законодательской и правоприменительной.

В советское время были найдены рациональные методы системного управления структурой права, в связи с чем государству удалось на определённое время совладать с валом нормативного материала и обеспечить на определённое время простор для развития общественных отношений.

В 1990-е гг. в условиях рыночных реформ были очевидны попытки через инструменты советских кодификаций повторить систему рационального управления правом на основе структурных методов 1930-х гг.

Эта попытка по большому счёту оказалась неудачной. Ни одна кодификация, в том числе гражданского права, не стала систематизирующим и эффективным центром развития экономики и социальной сферы. Стремление через инструменты кодификации

повторить советский опыт волевого конструирования базовых отраслей права и добиться системного эффекта не учитывал главного – радикально изменился характер общественных отношений, которые требуют новой методологии правовой организации.

Стремление к фактически административным методам управления правовой системой – главная причина неуправляемого бума законотворчества.

Проведённое исследование позволяет сформулировать два принципиально важных вывода.

С нашей точки зрения, во-первых, необходимо: забыть о системе советского права как современной методологической категории; забыть о симметрии отраслей права, созданной в советское время; перестать считать отрасли и подотрасли и пытаться найти рациональные основания некоей объективной системы права. Система права – это исключительно метод организации права. Советская система права – это статический, теперь уже вневременной шедевр правовой культуры, непревзойдённый памятник правового регулирования, который повторить в новых условиях, в новых кодексах совершенно невозможно. Во-вторых, забыв о советской системе права и базовых отраслях права, следует тем не менее продвинуться в понимании системной методологии рационального строительства структуры отечественного права, использовать советский опыт через гораздо большее разнообразие форм права и правоприменения. Для этого потребуются совершенно нетривиальные способы, формы и источники нормообразования на основе открытой в 1930-е гг. синтетической частно-публичной консолидации правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов А.Б. Административное право. 9-е изд. М.: Юрайт, 2017. 936 с.
2. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. М.: Московское научное издательство, 1919. 208 с.
3. Берталанфи Л. фон Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред., вст. ст. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
4. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты: исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников, 21.12.1933. М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. 42 с.
5. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: сокращенная стенограмма доклада на первом Всероссийском совещании по вопросам науки советского права и государства, 16.07.1938) // Советское государство. 1938. № 4. С. 4–55.
6. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юрист, 2017. 368 с.
7. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2017. 400 с.
8. Декреты Советской власти. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 624 с.
9. Полное собрание законов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 82. СПб., 1907.
10. Смышляев А.Л. Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула» // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 221–226.
11. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. 2-е изд. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1928. 232 с.
12. Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М.: Советское законодательство, 1931. 216 с.

REFERENCES

1. Agapov A.B. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 936 p.
2. Alekseyev N.N. *Ocherki po obshchei teorii gosudarstva* [Essays on the General Theory of State]. Moscow, Moscow Scientific Publishing House, 1919. 208 p.
3. Bertalanffy L. von. [General Systems Theory – a Critical Review]. In: Sadovskiy V.N., Judin E.G. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [Studies on General Systems Theory]. Moscow, Progress Publ., 1969, pp. 23–82.
4. Vyshinskii A.Ya. *Revolutsionnaya zakonnost' i zadachi sovetskoj zashchity: ispravlennaya i dopolnennaya stenogramma doklada na sobranii Moskovskoi kollegii zashchitnikov, 21.12.1933* [The Revolutionary Legitimacy and Problems of the Soviet Protection Revised and Enlarged Transcript of the Report On the Meeting of Moscow Board of Advocates, December, 21, 1933]. Moscow, Editorial and Publishing Sector of *Mosoblispolkom* Publ., 1934. 42 p.
5. Vyshinskii A.Ya. [The Main Tasks of the Soviet Socialist Jurisprudence: Abridged Transcript of the Report at the First National Conference on the Issues of Soviet Jurisprudence and State, on July 16, 1938]. In: *Sovetskoe gosudarstvo* [The Soviet State], 1938, no. 4, pp. 4–55.
6. Guy. *Institutsii* [Institutions]. Moscow, Yurist Publ., 2017. 368 p.

7. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Principal Legal Systems of the Present]. Moscow, International Relationships, 2017. 400 p.
  8. *Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 1.* [Decrees of the Soviet Government. Vol. I]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1957. 624 p.
  9. [The Complete Collection of Laws]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. 82* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 82]. St. Petersburg, 1907.
  10. Smyshlyaev A.L. [Domitius Ulpianus and his Treatise "On the Duties of Proconsul"]. In: *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1985, no. 4, pp. 221–226.
  11. Stuchka P.I. *Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava* [A Course in Soviet Civil Law]. Moscow, Publishing House of the Communist Academy Publ., 1928. 232 p.
  12. Stuchka P.I. *Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava* [The Revolutionary Role of the Soviet Law]. Moscow, Soviet Legislation Publ., 1931. 216 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюков Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почётный сотрудник МВД, проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Московской государственной юридической академии);
e-mail: NSINYUKOV@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Sinyukov – Doctor of Law, professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs, Vice-President of Kutafin Moscow State Law University (MSLU);
e-mail: NSINYUKOV@msal.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Синюков В.Н. Системная методология и закономерности правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 42-51
DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-42-51

FOR CITATION

Sinyukov V.N. System Methodology and Legal Regulation In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2017, no. 4, pp. 42-51
DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-42-51